

УДК 811'512

*Н.В. Малышева, Я.Е. Старостина***НАИМЕНОВАНИЯ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ
И ДРЕВНЕУЙГУРСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ XI В.
(СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

В статье рассматривается отношение языка древнеуйгурских письменных памятников к якутскому языку. Объектом исследования является сравнительный материал лексических параллелей якутского и языка древнеуйгурских письменных памятников XI в. Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» и Махмуда ал-Кашгари «Диван Лугат ат-Турк». Цель исследования заключается в выявлении лексических параллелей якутского и древнеуйгурского языков, описании их фоноструктурных и структурно-семантических особенностей, определении отношения якутского языка к языкам древнеуйгурских письменных памятников XI в. Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» и Махмуда ал-Кашгари «Диван Лугат ат-Турк». Лексико-семантические особенности выявленных лексических рефлексов рассмотрены по трем основным позициям: а) устойчивые лексические значения, б) незначительные лексические изменения, в) заметные лексические изменения. К якутскому языку из языков древнеуйгурских письменных памятников более близок язык памятника «Диван Лугат ат-Турк», менее близок язык памятника «Кутадгу билиг». Близость четко прослеживается в устойчивости структурно-семантических особенностей в рамках исследуемых лексических параллелей сравниваемых языков.

Ключевые слова: якутский язык, язык древнеуйгурских памятников, фоноструктурные особенности, лексико-семантические особенности, сравнительно-исторический аспект, письменный памятник.

Введение

Происхождение и историческое развитие якутского языка значительно отличаются от большинства современных тюркских языков. Он был рано изолирован от последних и испытал определенное влияние со стороны родственных и неродственных языков, что отразилось в своеобразном грамматическом строе и необычном лексическом составе, где обнаруживается наличие слов неизвестного происхождения и значительный пласт монгольской и тунгусо-маньчжурской лексики. Как утверждает Е.И. Убрятова, «своеобразие якутского языка всегда требовало сравнения каждой его детали с аналогичными материалами других тюркских языков» [16. С. 1].

Изучению связей якутского языка с современными тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками посвящено немало научных работ. Рассмотрены историческая фонетика, морфология, лексика якутского языка в сопоставлении с турецким, алтайским, хакасским, тувинским, шорским, монгольским, эвенкийским, бурятским, киргизским и другими языками. Проведен анализ фонетических, структурных, лексических особенностей якутского языка в сравнении с древнетюркскими языками VII и IX вв. Однако не существует комплексного сравнения исторической лексики якутского языка с языками древнеуйгурских письменных памятников XI в. Несмотря на то, что об отношении якутского языка к языкам древнеуйгурских письменных памятников было высказано немало авторитетных мнений [7; 13; 17; 21; 22; 26], данный вопрос требует более широких исследований с привлечением дополнительных материалов. В связи с этим ставится проблема комплексного изучения исторического отношения якутского языка к языкам древнеуйгурских письменных памятников XI в. Юсуфа хасс-Хаджиба Баласагунского (далее – Юсуф Баласагунский) «Кутадгу билиг» (1069 г.), Махмуда ал-Кашгари «Диван Лугат ат-Турк» (1073 г.).

По поводу отношения языка древнеуйгурских письменных памятников к якутскому языку одно из первых и интересных мнений было высказано венгерским тюркологом Германом Вамбери в монографии “Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik” [25]. Он рассмотрел лексический состав и фонетические явления в языке древнеуйгурского письменного памятника «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») Юсуфа Баласагунского. Тюрколог утверждал, что отдельные элементы в фонетических явлениях языка древнеуйгурского письменного памятника, а также его словесное богатство имеют удивительное родство с языком якутов, живущих на отдаленном севере Азии. Основные выводы ученого стали доказательством факта переселения якутов на льдистую зону ввиду вытеснения их казахами и другими южноалтайскими племенами» [25. С. 10]. По мнению Г. Вамбери, уйгурский язык Восточного Туркестана «отстоит много дальше от древнеуйгурского языка, чем якутский диа-

лект, на котором разговаривают на берегах студенной Лены» [25. С. 12-13]. Итак, впервые мысль о близком родственном отношении языка древнеуйгурского письменного памятника «Кутадгу билиг» к языку якутов была сформулирована Германом Вамбери. Над различными рукописями этого памятника после Г. Вамбери работали такие крупнейшие востоковеды-тюркологи, как В.В. Радлов, А.Н. Самойлович, С.Е. Малов, Р. Арат. Таким образом, гипотеза близкого родства языка древнеуйгурского письменного памятника Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» к якутскому языку появилась в XIX в. Научное предположение Г. Вамбери о том, что уйгурский язык Восточного Туркестана «отстоит много дальше от древнеуйгурского языка, чем якутский диалект, на котором разговаривают на берегах студенной Лены» и по сей день заставляет задуматься многих востоковедов. Эту гипотезу поддержал Г.Г. Левин, рассмотрев письменные памятники из Восточного Туркестана «ЫрхБитиг» и фрагменты рукописных документов из Тойока, Дуньхуана, Турфана. Однако ряд исследователей до сих пор считают концепцию Г. Вамбери относительно памятника «Кутадгу билиг» не вполне доказательной. Сомнения ученых вызывает недостаточно точный перевод и расшифровка некоторого языкового материала памятника.

Некоторые вопросы исторического изучения фонетики и лексики языка древнеуйгурских письменных памятников затрагивались в работах известного тюрколога С.Е. Малова. Его ученица Е.И. Убрятова отметила, что внимание С.Е. Малова давно привлекал вопрос отношения якутского языка к древнеуйгурскому языку в области лексики [17. С. 33]. В статье «Отчет о путешествии к уйгурам и саларам» (ИРКСВА, 1912) он писал, что «Язык уйгуров – турецкое наречие, сохранившее много старых черт в некоторых отношениях, в других – далеко ушедшее вперед. Сингармонизм строго не проводится, заметна тенденция «огорталения» нёбных звуков. В лексическом отношении каких-либо новых слов, встречающихся в древних памятниках уйгурской письменности, в ново-уйгурском наречии очень немного. Имена числительные (от 11 до 29) сохранили ту систему, отражающуюся в орхонской и уйгурской письменности, которая не встречается в других живых диалектах» [8. С. 97].

Работа В.М. Насилова «Язык тюркских памятников уйгурского письма XI–XV вв.» (1974) интересна тем, что в ней представлен лексический материал из древнеуйгурских письменных памятников «Кутадгу билиг», «Диван Лугат ат-Турк». По мнению В. М. Насилова, произведение Махмуда Кашгари «Диван Лугат ат-Турк» сыграло огромную роль в тюркском языкознании при решении фонетических проблем, касающихся столь отдаленной фазы развития литературного языка, а также помогло установить фонологическое качество отдельных звуков и определить взаимодействие отдельных слогов в фонетических закономерностях. В системе вокализма языка данного памятника В. М. Насилов подчеркивает следующие явления: 1) наличие долгих гласных, что также характерно для якутского языка; 2) наличие аналогичной древним памятникам гармонии гласных; 3) спорный вопрос о наличии закрытой фонемы *e*; 4) гармонизация слога с негубным гласным под влиянием губного гласного в предыдущем слоге; 5) огубление гласного последующего слога при наличии губного согласного предшествующего слога [11. С. 14-20].

Большое значение при разработке данного исследования имеют научные взгляды Е.И. Убрятовой. Она высказала предположение о том, что язык древних уйгуров Уйгурского каганата был похож на уйгурский язык письменных текстов, так как следы этого языка присутствуют в тюркских языках Южной Сибири «в немногочисленных, но очень специфичных явлениях, который можно отнести к грамматическому строю древнего уйгурского языка» [17. С. 26]. В статье «Следы древних тюркского, уйгурского и киргизского языков в современных языках Сибири» Е. И. Убрятова утверждает, что язык древних уйгуров уйгурского каганата в основе своей огузский (причастия на *-мыш*, *-дук* и др.) с некоторыми своими особенностями (широкое развитие имело причастие на *-бу* и его производные и некоторые другие черты) [18. С. 61]. Следы уйгурского языка в тюркских языках южной Сибири прослеживаются в специфичных явлениях, которые Е.И. Убрятова относит к грамматическому строю древнего уйгурского каганата. Она рассмотрела древнеуйгурские глагольные формы в тюркских языках Сибири и пришла к выводу, что древнеуйгурские формы *-бу дег и -йук* лучше сохранились в тофском и тувинском языках. Таким образом, уйгурские элементы в сибирских языках идут через тувинский и тофский, а затем хакасский на север к чулымским тюркам и сибирским татарам. «По мере продвижения на запад эти черты постепенно видоизменяются и исчезают, а киргизские элементы входят через алтайский и распространяются далее на восток и на север» [18. С. 9].

Наибольший вклад в изучение отношения якутского языка к древнеуйгурскому языку внесла Н.Н. Широбокова. Работа «Отношение якутского языка к тюркским языкам Сибири» представляет

собою сравнительно-сопоставительное исследование якутского языка с некоторыми современными тюркскими языками. Здесь представлены серьезные и обоснованные рассуждения по вопросам исторического развития якутского языка. На наш взгляд, интересным является предположение Н.Н. Широковой о древнетюркской орхонской системе, являющейся базовой для якутского языка, а также о том, что древнеуйгурские компоненты занимают достаточно важное системное место в якутском языке: «в якутском древнеуйгурские формы сосуществуют с древнеорхонскими, являясь системообразующими (например, в поле будущего времени), можно интерпретировать двояко: либо эти два компонента имели примерно равный удельный вес при формировании скрещенного якутского языка, либо в формировании якутского языка принял участие тюркский язык, совмещавший черты, дифференцировавшиеся позднее в рамках древнетюркского и древнеуйгурского языков» [22. С. 242]. Кроме того, Н.Н. Широкова заметила, что якутский язык унаследовал собственно уйгурскую форму на -гу, которая стала ядерной в поле будущего времени [22. С. 246].

Отдельные вопросы отношения якутского языка к древнеуйгурскому языку рассматриваются в статье Г.Г. Левина «Отношение якутского языка к языку восточно-туркестанских рунических памятников». В этой работе рассматривается историческая связь якутского языка с древнеуйгурским языком, подвергаются анализу фоноструктурные и семантические особенности якутско-древнеуйгурских лексических репрезентаций. Как предполагает исследователь, тесная связь между древними уйгурами и якутами выявляется в близости обычаев и обрядов. Ссылаясь на работу Е.С. Малова, ученый отмечает что, «у сары уйгуров, связанных с древними уйгурами, селенгинской группой токуз-огузов», имеется обычай, где «молодые парни принимали участие в молении и подпевали шаману. Этот древнеуйгурский обычай хорошо сохранился у хакасов и якутов: позади шамана становилось 9 непорочных парней и столько же девиц – *битииһиттэр* «плясунов». Они принимали участие в обряде *төрүт онгорторор* (о ниспослании приплода) [3. С. 37]. Г.Г. Левин рассмотрел письменные памятники из Восточного Туркестана, написанные руническими буквами, в частности, тексты «ЫрхБитиг» («Гадательная книга»), фрагменты рукописных документов из Тойока, Дуньхуана, Турфана и сопоставил язык этих памятников с современным якутским языком. По его мнению, язык этих памятников является орхоно-уйгурским (древнеуйгурским). Сравнительный анализ фонетических, структурных и лексико-семантических особенностей лексических репрезентаций показал тесную взаимосвязь между якутским и древнеуйгурским языками. В восточно-туркестанских рукописных текстах было выявлено всего 379 [ОС – 197/ДС – 172/ТС – 10] непроизводных основ и изолированных форм. Из них в якутском языке лексические параллели имеют 293 (77,3 %) основы. Средний процент якутских и древнеуйгурских параллелей в односложных основах составил – 73,6 %, в двусложных – 72 %, в трехсложных – 100 %. В текстах памятников выявляется немалое количество якутских репрезентаций (10,2 %), которые имеют абсолютное сходство. Например, эм 'сосать', бил 'знать', көр 'видеть', кэл 'приходить', харын 'живот, брюхо'; тамба 'клеймо, печать', хайа 'скала', элик 'косуля', хой 'овца', хара 'черный'. Высокий процент якутско-древнеуйгурских параллелей выявился во всех лексико-семантических группах: 1) в именах существительных: а) наименования частей тела и организма – 100 %; б) наименования природных явлений (полезные ископаемые) – 85,7 %; в) названия животных и птиц – 78 %; г) термины родства – 76,4 %; д) названия жилищ, предметов быта – 75 %; е) названия животных и птиц – 78 %; ж) термины родства – 76,4 %; з) названия жилищ, предметов быта – 75 %; и) названия абстрактных понятий – 62,9 %; к) наименования явлений общественной жизни – 77,7 %; 2) в именах числительных – 93,3 %; 3) в именах прилагательных: а) слова, выражающие качественные признаки, формы, цвет и размер – 82,3 %; б) слова, выражающие внутренние, относительные признаки и качественные состояния – 50 %; 4) в местоимениях – 69,2 %; 5) в глаголах: а) слова, выражающие движения, действия, состояния – 75,7 %; б) слова, выражающие чувства, эмоции, процессы мышления и речи – 70,3 %; 6) в наречных словах, выражающих локальные, временные и другие отношения – 85,7 %; 7) в послелогах и служебных словах – 100 % [7, с. 394-396]. Таким образом, сравнительный анализ основного словарного фонда якутского языка и языка рунических памятников Восточного Туркестана, проведенный Г.Г. Левиным, свидетельствует о том, что расхождение якутского с языком древнеуйгурских письменных памятников началось примерно в VI в. Подсчет по методу глоттохронологии показывает, что окончательное отделение якутского языка от языка древнеуйгурских памятников датируется началом VIII в. Интересно заметить, что в якутском языке и в текстах восточно-туркестанских памятников встречаются антропонимы як. Тыгын 'имя собственное, якутский царь' и др.уйг. Тигин 'имя собственное' [24. С. 65]. В большинстве случаев в древнетюркских и среднетюркских текстах слово *тигин* употреблялся в значении

'сын кагана', 'принц'. Это слово обозначает титул ханского рода. Со временем титул *тигин* стал популярным личным именем. Как полагаем, совпадение подобных трансформаций лексических значений слов в какой-то мере отражает взаимосвязь терминов общественной жизни. Таким образом, Г.Г. Левин отмечает, что научные выводы Г. Вамбери находят свое подтверждение в сравнительных исследованиях лексики якутского и древнеуйгурского языков. Все приведенные факты доказывают близкое родство якутского языка с языком письменных памятников из Восточного Туркестана.

Проблемой отношения якутского языка к древнеуйгурскому языку в наше время занимался Д.М. Насилов. В статье «Конструкция – *a турур* в древнеуйгурском языке» [13] он рассматривает уйгурскую конструкцию – *у эрүр*, сопоставляя с якутской формой, состоящей из деепричастия на – *ан* и вспомогательного глагола *эр-*, близкой по значению к древнеуйгурской [13. С. 42-48]. Интересным представляется то, что данная форма выявлена только в якутском языке, что, несомненно, очень важно для выяснения исторических отношений древнеуйгурского языка с якутским языком.

Таким образом, вопрос отношения якутского языка к языкам древнеуйгурских письменных памятников остается не до конца изученным, его исследование может открыть новые факты, подтверждающие и раскрывающие историю развития якутского языка и его взаимоотношений с языками древнетюркских письменных памятников.

Предметом нашего изучения являются фоноструктурные и структурно-семантические особенности лексических параллелей наименований домашних животных в якутском языке и в языке древнеуйгурских письменных памятников XI в. Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» и Махмуда ал-Кашгари «Диван Лугат ат-Турк».

Цель исследования заключается в выявлении фоноструктурных и лексико-семантических особенностей лексических параллелей наименований домашних животных в якутском языке и в языке древнеуйгурских письменных памятников XI в. Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» и Махмуда ал-Кашгари «Диван Лугат ат-Турк».

Исходя из этого, в работе решаются следующие задачи:

- 1) выявление лексических параллелей якутского языка и языка древнеуйгурских письменных памятников XI в. Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг», Махмуда ал-Кашгари «Диван Лугат ат-Турк», исследование их в рамках когнитивно-идеографической группы «Домашние животные»;
- 2) определение степени устойчивости и установление изменчивости лексических значений именных основ языка древнеуйгурского письменного памятника Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» по отношению к якутским формам;
- 3) определение степени устойчивости и установление изменчивости лексических значений наименований домашних животных в языке древнеуйгурского письменного памятника Махмуда ал-Кашгари «Диван Лугат ат-Турк» по отношению к якутским формам;
- 4) рассмотрение устойчивости и изменчивости фоноструктурных оформлений древнеуйгурских лексем по отношению к якутским формам;
- 5) выявление причин изменения фоноструктурных типов наименований домашних животных якутского языка по отношению к исследуемым письменным памятникам;
- 6) составление количественной характеристики структурно-семантических особенностей лексических параллелей якутского языка и языка древнеуйгурских письменных памятников «Кутадгу билиг», «Диван Лугат ат-Турк»;
- 7) проведение сравнительного анализа количественной характеристики структурно-семантических, фоноструктурных особенностей лексических параллелей древнеуйгурских письменных памятников по отношению к якутскому языку.

Основная часть

Наименования домашних и диких животных в тюркских языках, как и в других алтайских языках, привлекают внимание исследователей в течение длительного времени. Это касается наблюдаемых сходств в названии животных, прежде всего, в наименовании домашнего скота – лошади, овцы, осла, верблюда [4. С. 31]. Названия домашних животных якутского языка ранее не подвергались исследованию в сравнительно-сопоставительном аспекте с языками древнетюркских письменных памятников, в том числе и с древнеуйгурскими письменными памятниками. Данное исследование может быть ценным в плане появлений отдельных объяснений и выявлений лексико-семантических, фоноструктурных особенностей якутских зоонимов, имеющих лексические параллели в языках древ-

неуйгурских письменных памятников XI в. Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» и Махмуда ал-Кашгари «Диван Лугат ат-Турк».

Материалом для исследования послужили следующие лексикографические источники: «Толковый словарь якутского языка» (Новосибирск, Наука, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013), «Словарь якутского языка» (Пекарский Э.К., Л., 1959) «Этимологический словарь тюркских языков» (М., 1974, 1978, 1980, 1989, 1997, 2000, 2003), древнеуйгурские письменные памятники Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» (редакция и перевод Решита Рахмети Арат) (Стамбул, 1979), Махмуда ал-Кашгари «Диван Лугат ат-Турк» (перевод З.-А. М. Ауэзовой, редакция И.Н. Тасмагамбетова, М.Х. Абусейтовой, С.Г. Кляшторного и др.) (Алматы, 2005).

В рамках исследования в якутском языке выявлено всего 19 наименований домашних животных, имеющих аналогичные формы в древнеуйгурских письменных памятниках XI в., а именно, в письменном памятнике Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» – 12 основ [ОС – 5, ДС – 7], в письменном памятнике Махмуда ал-Кашгари «Диван Лугат ат-Турк» – 19 [ОС – 7, ДС – 12]. Из зафиксированных 19 названий домашних животных односложными являются 7 основ, двусложными – 12 основ. Односложные основы представлены структурными типами – VC (2), SVC (5), двусложные основы – CVCV (1), CVCVC (5), VCVC (4), VCCVC (1), CVCCV (1). Наибольшее количество зафиксированных лексических параллелей обнаруживается в структурных типах CVCVC (5) и VCVC (4).

Названия домашних животных

Односложные основы. VC: 1) як. **ат** 'лошадь 'конь' // др.уйг. 'ат 'конь' [МК, ДЛТ, 2005: 74], **ат** 'лошадь' [КВ, 1979: 32]; 2) як. **ыт** 'собака' // др.уйг. 'ит 'собака' [МК, ДЛТ, 2005: 74], **ыт** 'волосы' [КВ III, 1979: 183]; SVC: 1) як. **кии** 'навоз (животных)' // др.уйг. **қииғ** 'навоз, которым удобряют землю' [МК, ДЛТ, 2005: 836]; 2) як. **тый** 'двухгодовалый жеребёнок' // др.уйг. **таай** 'жеребёнок' [МК, ДЛТ, 2005: 858], **тай** 'жеребёнок' [КВ III, 1979: 429]; 3) як. **сиэл** 'грива' // др.уйг. **йаал** 'грива лошади' [МК, ДЛТ, 2005: 860], **йал** 'грива' [КВ III, 1979: 516]; 4) як. **кыл** 'конский волос' // др.уйг. **қил** 'волос человека (или др.)' [МК, ДЛТ, 2005: 327], **кыл** '1.волос; 2. конский хвост' [КВ III, 1979: 243]; 5) як. **хой устар.** 'баран, овца' [5, с. 42] // др.уйг. **қууй** 'овца' [МК, ДЛТ, 2005: 845].

Двусложные основы. CVCV: 1) як. **биэ** 'кобыла' // др.уйг. **бии** 'кобыла' [МК, ДЛТ, 2005: 897]; CVCVC: 1) як. **кунан** 'молодой бык (трёх-четырёх лет)' // др.уйг. **кулан** 'дикое животное' [КВ III, 1979: 290], **қулаан** 'дикий осел' [МК, ДЛТ, 2005: 390]; 2) як. **кулун** 'жеребёнок' // др.уйг. **қулун** 'жеребёнок' [МК, ДЛТ, 2005: 380]; 3) як. **көлүү (обус, ат)** 'сносный, упряжной (бык)' [Пек., Т.1, 1137] // др.уйг. **көлүк** 'выючное животное' [КВ III, 1979: 275]; 4) як. **кытарах** 'яловица, яловая, не стельная, не жеребая; стародойная корова' // др.уйг. **қисраақ** 'молодая кобыла' [МК, ДЛТ, 2005: 439]; 5) як. **бороон** 'телёнок' // др.уйг. **бузаагуу** 'теленка' [МК, ДЛТ, 2005: 417]; VCVC: 1) як. **ынах** 'корова' // др.уйг. 'иңак 'корова' [МК, ДЛТ, 2005: 140], **ингек** 'корова' [КВ III, 1979: 199]; 2) як. **обус** 'бык, вол' // др.уйг. 'укуз 'бык' [МК, ДЛТ, 2005: 94]; 3) як. **буба** 'бык' // др.уйг. **буқаа** 'бык' [МК, ДЛТ, 2005: 912], **бука** 'бык' [КВ III, 1979: 113]; 4) як. **тыһы** 'самка любого животного' // др.уйг. **тиһии** 'самка любого животного' [МК, ДЛТ, 2005: 910], **тиһи** 'самка' [КВ III, 1979: 453]; VCCVC: 1) як. **атыыр** 'жеребец' // др.уйг. 'азгир 'жеребец' [МК, ДЛТ, 2005: 126], **адгыр** 'самец' [КВ III, 1979: 5]; CVCCV: 1) як. **сылгы** 'лошадь, конь' // др.уйг. **йилқии** 'скот' [МК, ДЛТ, 2005: 766], **йылкы** 'стадо животных' [КВ III, 1979: 539]; 2) як. **чооску** 'свинья' // др.уйг. **жужук** 'поросенок' [МК, ДЛТ, 2005: 360].

Лексико-семантические особенности выявленных лексических рефлексов рассмотрены по трем основным позициям: а) устойчивые лексические значения, б) незначительные лексические изменения, в) заметные лексические изменения. В лексических параллелях, выявленных в якутском языке и в письменном памятнике Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» устойчивость лексических значений основ отмечается из 12 в 6 случаях (як. **ат** 'лошадь 'конь' // др.уйг. **ат** 'лошадь', як. **сиэл** 'грива' // др.уйг. **йаал** 'грива', як. **кыл** 'конский волос' // др.уйг. **кыл** '1.волос; 2. конский хвост', як. **ынах** 'корова' // др.уйг. **ингек** 'корова', як. **буба** 'бык' // др.уйг. **бука** 'бык', як. **тыһы** 'самка любого животного' // др.уйг. **тиһи** 'самка'), что составляет 50%. Заметные лексические изменения произошли в 3 основах (25%): як. **ыт** 'собака' // др.уйг. **ыт** 'волосы'; як. **кунан** 'молодой бык (трёх-четырёх лет)' // др.уйг. **кулан** 'дикое животное', як. **сылгы** 'лошадь, конь' // др.уйг. **йылкы** 'стадо животных'. Как отмечает А. М. Щербак, лексема *йылкы* «как в древних, так и современных языках имеет особый семантический оттенок, уловить который, особенно в древних текстах, очень трудно» [23, с. 84]. Незаметные лексические изменения наблюдаются в 3 лексемах: як. **тый** 'двухгодовалый жеребёнок' // др.уйг. **тай** 'жеребёнок', як. **көлүүр (обус, ат)** 'сносный, упряжной (бык)' // др.уйг. **көлүк** 'выючное животное', як. **атыыр** 'жеребец' //

др.уйг. **адгыр** 'самец'. Здесь следует отметить о том, что в последних трех примерах наблюдается расширение значений лексем древнеуйгурского письменного памятника по отношению к якутским формам, в якутских основах наблюдается сужение лексических значений. В лексических параллелях, выявленных в якутском языке и в письменном памятнике Махмуда ал-Кашгари «Диван Лугат ат-Турк» устойчивость лексических значений основ отмечается из 19 в 13 случаях (68,4 %) (як. **ат** 'лошадь 'конь' // др.уйг. 'ат 'конь, як. **ыт** 'собака' // др.уйг. 'ит 'собака', як. **кии** 'навоз (животных)' // др.уйг. **қииг** 'навоз, которым удобряют землю', як. **сиэл** 'грива' // др.уйг. **йаал** 'грива лошади', як. **хой устар.** 'баран, овца' // др.уйг. **қууй** 'овца', як. **биэ** 'кобыла' // др.уйг. **бии** 'кобыла', як. **кулун** 'жеребенок' // др.уйг. **қулун** 'жеребенок', як. **бороон** 'теленка' // др.уйг. **бузаагуу** 'теленка', як. **ынах** 'корова' // др.уйг. 'инак 'корова', як. **обус** 'бык, вол' // др.уйг. 'укуз 'бык', як. **буға** 'бык' // др.уйг. **буқаа** 'бык', як. **тыһы** 'самка любого животного' // др.уйг. **тиһи** 'самка любого животного', як. **атыыр** 'жеребец' // др.уйг. 'азгир 'жеребец'. Незаметные лексические изменения наблюдаются в 1 лексеме: як. **тый** 'двухгодовалый жеребёнок' // др.уйг. **таай** 'жеребёнок'. Заметные лексические изменения произошли в 5 основах (26%): як. **кыл** 'конский волос' // др.уйг. **қил** 'волос человека (или др.)', як. **кунан** 'молодой бык (трёх-четырёх лет)' // др.уйг. **қулаң** 'дикий осел', як. **кытарах** 'яловица, яловая, не стельная, не жеребая; стародойная корова' // др.уйг. **қисраақ** 'молодая кобыла', як. **сылгы** 'лошадь, конь' // др.уйг. **йилқии** 'скот', як. **чооску** 'свинья' // др.уйг. **жужук** 'поросенок'.

Фоноструктурные особенности лексических рефлексов рассмотрены по трем основным позициям: а) абсолютное совпадение структурного оформления, б) частичное изменение структурного оформления, в) структуры, подвергшиеся изменениям. Совпадение структурного типа якутских лексем в письменном памятнике «Кутадгу билиг» наблюдается в 8 (66,6%) случаях: VC (2): як. **ат** // др.уйг. **ат**, як. **ыт** // др.уйг. **ыт**, SVC (2): як. **кыл** // др.уйг. **кыл**, як. **тый** // др.уйг. **тай**. CVCV (2): як. **буға** // др.уйг. **бука**, як. **тыһы** // др.уйг. **тиһи**, CVCVC (1): як. **кунан** // др.уйг. **кулан**, CVCCV (1): як. **сылгы** // др.уйг. **йылкы**. Частичное изменение структурного типа представлено в рефлексе як. **сиэл** // др.уйг. **йал**. Данное изменение объясняется тем, что в односложных основах со структурным типом SVC происходит дифтонгизация инлаутного гласного элемента. В лексическом параллеле як. **ынах** 'корова' // др.уйг. **ингек** 'корова' в древнеуйгурской форме наблюдается выпадение согласного [g] в инлауте. Также, в лексических параллелях наблюдаются следующие фонетические соответствия: [ɟ]~[k]: як. **буға**~др.уйг. **бука**, [h]~[ш]: як. **тыһы**~др.уйг. **тиһи**, [n]~[л]: як. **кунан**~др.уйг. **кулан**, [c]~[й]: як. **сылгы**~др.уйг. **йылкы**, як. **сиэл**~др.уйг. **йал**.

В письменном памятнике «Диван Лугат ат-Турк» абсолютное совпадение якутских форм зафиксировано в 12 (63%) основах: як. **ат** // др.уйг. **ат**, як. **ыт** // др.уйг. 'ит, як. **хой** // др.уйг. **куй**, як. **кулун** // др.уйг. **кулун**, як. **ынах** // др.уйг. **инак**, як. **обус** // др.уйг. 'укуз, як. **буға** // др.уйг. **бука**, як. **тыһы** // др.уйг. **тиһи**, як. **тый** // др.уйг. **тай**, як. **кыл** // др.уйг. **кыл**, як. **кунан** // др.уйг. **кулан**, як. **сылгы** // др.уйг. **йилки**. Частичное изменение структурного типа зафиксировано в 2 параллелях: як. **сиэл** // др.уйг. **йэл**, як. **быа** // др.уйг. **бии**. Частичное изменение в рефлексе як. **сиэл** // др.уйг. **йэл** произошло вследствие дифтонгизации инлаутного гласного в односложной основе в якутском языке. В последнем же примере в двусложных основах ауслаутный долгий вокальный элемент древнеуйгурского письменного памятника в якутском языке подвергается переходу в дифтонг. Заметные структурные изменения произошли в 5 лексических параллелях: як. **кии** // др.уйг. **киг**, як. **бороон** // др.уйг. **бузагу**, як. **атыыр** // др.уйг. 'азгир, як. **кытарах** // др.уйг. **киспэк**, як. **чооску** // др.уйг. **жужук**. В рефлексе як. **кии** // др.уйг. **киг** ауслаутный вокальный элемент изменяется в долгий гласный и образуется дифтонг при выпадении консонантного [g]. Кроме этого, в лексических параллелях наблюдаются следующие фонетические соответствия: [x]~[k]: як. **хой** // др.уйг. **куй**, [n]~[ң]: як. **ынах** // др.уйг. **инак**, [ɟ]~[k]: як. **обус** // др.уйг. 'укуз, як. **буға** // др.уйг. **бука**, [h]~[ш]: як. **тыһы** // др.уйг. **тиһи**; [c]~[й]: як. **сылгы** // др.уйг. **йилки**, як. **сиэл** // др.уйг. **йэл**, [n]~[л]: як. **кунан** // др.уйг. **кулан**.

Заключительная часть. Лексико-семантический анализ лексических параллелей якутского языка и языка древнеуйгурских письменных памятников позволяет сделать вывод о тесном контакте данных языков. Анализ количественно-лексических особенностей исследуемых рефлексов показывает, что к якутскому языку по устойчивости лексических значений названий домашних животных ближе всего расположен язык древнеуйгурского письменного памятника «Диван Лугат ат-Турк» (68,4 %). По фоноструктурным особенностям к якутскому языку в наиболее близкой позиции находится язык письменного памятника «Кутадгу билиг» (66,6 %).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баласагунский Ю. Благодатное знание. М: Наука, 1983. 558 с.
2. Баласагунский Ю. Кутадгу билиг. Стамбул: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü, 1979. 565 с.
3. Гоголев А.И. Якуты: (Проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. 200 с.
4. Бурыкин А.А. О некоторых названиях диких животных в тюркских языках (к этимологии изолированной лексики и оценке характера эволюции тюркских языков в контексте алтайской теории) // Российская тюркология, 2013, 1 (18). С. 31-36.
5. Дыбо А.В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: Соматические термины (плечевой пояс). М.: Языки русской культуры. 1996. – 389 с.
6. Левин Г.Г. Орфографические особенности рунических текстов восточно-туркестанских памятников // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». 2009. № 4. С. 27-29.
7. Левин Г.Г. Историческое отношение якутского языка с древнетюркскими языками VII – IX вв. (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими и монгольскими языками). Якутск: Изд. дом СВФУ, 2013. 436 с.
8. Малов С.Е. Отчет о путешествии к уйгурам и саларам // ИРКСВА. Серия II, 1912. № 1. Апрель. С. 94-99.
9. Махмуд ал-Кашгари. «Диван Лугат ат-Турк». Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
10. Насилов В.М. Древнеуйгурский язык. М.: Изд-во вост. лит., 1963. 121 с.
11. Насилов В.М. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI–XV вв. М.: Наука, 1974. 101 с.
12. Насилов Д.М. Изучение памятников древнеуйгурского языка в отечественном востоковедении // Тюркологический сборник. М.: Наука, 1970. С. 93-110.
13. Насилов Д.М. Памятники древнетюркской письменности (орхоно-енисейские и древнеуйгурские) в отечественных тюркских исследованиях последних лет (обзор лингвистических публикаций 1969-1974 гг.) // Советская тюркология. Баку, 1976. № 1. С. 82-101.
14. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 1. 1200 стб.; Т. 2. 2010 стб.; Т. 3. 3858 стб.
15. Толковый словарь якутского языка. Новосибирск: Наука, 2004–2013.
16. Убрятова Е.И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 151 с.
17. Убрятова Е.И. Следы древних тюркского, уйгурского и киргизского языков в современных тюркских языках Сибири // Историческая грамматика якутского языка. Якутск: Изд-во Якутского госуниверситета, 1985. С. 22-32.
18. Убрятова Е.И. Исследования по тюркским языкам. Избранные труды. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2011. 282 с.
19. Уйгурско-русский словарь / сост. Н.А. Баскаков, В.М. Насилов. М., 1939.
20. Уйгурско-русский словарь / сост. Э.Н. Наджип. – М.: Советская энциклопедия, 1968. 828 с.
21. Филиппов Г.Г. Причастия якутского языка: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование. Монография. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2014. 606 с.
22. Широбокова Н.Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 2005. 268 с.
23. Щербак А.М. Названия домашних и диких животных // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 82-172.
24. Orkun II – Orkun H. Eski türk yazıtları. (Türk Dil Kurumu.) 4 vols. 189, (3) pp.; 216 pp.; 319 pp.; 210 pp. Prof. illus. Istanbul (Devlet Basimevi), 1936–1941.
25. Vambery H. Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik. Innsbruck: Wagner, 1870. IV, 258 p.
26. Vambery H. Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen geschildert. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1885. XII. 638 p.

Поступила в редакцию 24.10.2018

Малышева Нинель Васильевна, кандидат филологических наук, доцент Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ
E-mail: ninel_malysheva@mail.ru
Старостина Яна Егоровна, аспирант Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ
E-mail: namina-s@mail.ru
ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»
677000, Россия, г. Якутск, ул. Белинского, 58

N.V. Malysheva, Ya.E. Starostina

NAMES OF DOMESTIC ANIMALS IN THE YAKUT LANGUAGE IN A COMPARATIVE AND HISTORICAL ASPECT WITH LANGUAGES OF ANCIENT UIGHUR WRITTEN MONUMENTS OF XI CENTURY

The article discusses the relationship of the language of the Old Uigur written monuments to the Yakut language. The object of the research is a comparative material of lexical parallels of the Yakut language and the language of Old Uigur written monuments of the XI century Yusuf Balasagunsky "Kutadgu bilig" and Mahmud al-Kashgari "Divan Lugat at-Turk". The purpose of the study is to identify the lexical parallels of the Yakut and Uigur languages, to describe their phonostructural and structural-semantic features, to determine the attitude of the Yakut language to the languages of the Uigur written monuments of the XI century Yusuf Balasagunsky "Kutadgu bilig" and Mahmud al-Kashgari "Divan Lugat at-Turk". The lexical and semantic features of the identified lexical reflexes are considered in three main positions: a) stable lexical meanings, b) minor lexical changes, c) noticeable lexical changes. The language of the monument "Divan Lugat at-Turk" is closer to the Yakut language than the language of the monument "Kutadgu bilig". The proximity is clearly seen in the stability of the structural-semantic features within the studied lexical parallels of the compared languages.

Keywords: Yakut language, language of ancient Uigur monuments, phonostructural features, lexical and semantic features, comparative and historical aspect, written monument.

REFERENCES

1. Balasagunskij Yu. Blagodatnoe znanie [Blessed knowledge]. M: Nauka [Science], 1983. 558 s.
2. Balasagunskij Yu. Kutadgu bilig [Blessed knowledge]. Stambul: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü [Turkish Culture Research Institute], 1979. 565 s.
3. Gogolev A.I. Yakuty: (Problemy ehtnogeneza i formirovaniya kul'tury) [Yakuts: Problems of ethnogenesis and the formation of culture]. YAKUTSK: Izd-vo YaGU [Publishing house of YaSU], 1993. 200 s.
4. Burykin A.A. O nekotorykh nazvaniyakh dikikh zhivotnykh v tyurkskikh yazykakh (k ehtimologii izolirovannoj leksiki i otsenke kharaktera ehvolyutsii tyurkskikh yazykov v kontekste altajskoj teorii) [About some names of wild animals in Turkic languages: on the etymology of isolated vocabulary and assessment of the nature of the evolution of Turkic languages in the context of the Altaic theory] // Rossijskaya tyurkologiya [Russian Turkology], 2013, 1 (18). S. 31-36.
5. Dybo A.V. Semanticheskaya rekonstruktsiya v altajskoj ehtimologii: Somaticheskie terminy (plechevoj poyas) [Semantic reconstruction in the Altaic etymology. Somatic terms (shoulder girdle)]. M.: Yazyki russkoj kul'tury [Languages of Russian Culture]. 1996. 389 s.
6. Levin G.G. Orfograficheskie osobennosti runicheskikh tekstov vostochno-turkestanskikh pamyatnikov [Orthographic features of runic texts of East-Turkestan monuments] // Vestnik MGOU. Seriya "Lingvistika". 2009. № 4. S. 27-29.
7. Levin G.G. Istoricheskoe otnoshenie yakutskogo yazyka s drevnetyurkskimi yazykami VII – IX vv. (v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte s vostochno-tyurkskimi i mongol'skimi yazykami) [Historical ties of the Yakut language with the ancient Turkic languages of the 7th-9th centuries. (in a comparative aspect with Eastern Turkic and Mongolian languages): monograph]. Yakutsk: Izdatel'skij dom SVFU [Publishing House of NEFU], 2013. 436 s.
8. Malov S.E. Otchet o puteshestvii k uiguram i salaram [Report on travel to the Uighurs and Salar] // IRKSKA. Seriya II, 1912. №1. Aprel'. S. 94-99.
9. Makhmud al-Kashgari. "Divan Lugat at-Turk". Almaty: Dajk-Press, 2005. 1288 s.
10. Nasilov V.M. Drevneuygurskij yazyk [Old Uyghur language]. M.: Izd-vo vost.lit. [Publishing house east. lit.], 1963. 121 s.
11. Nasilov V.M. Yazyk tyurkskikh pamyatnikov uigurskogo pis'ma XI-XV vv. [Language of the Turkic monuments of the Uyghur writinh of XI–XV centuries]. M.: Nauka [Science], 1974. 101 s.
12. Nasilov D.M. Izuchenie pamyatnikov drevneuygurskogo yazyka v otechestvennom vostokovedenii [Studying the monuments of the ancient Gur language in Russian oriental studies] // Tyurkologicheskij sbornik [Turkic collection]. M.: Nauka [Science], 1970. S. 93-110.
13. Nasilov D.M. Pamyatniki drevnetyurkskoj pis'mennosti (orkhono-enisejskie i drevneuygurskie) v otechestvennykh tyurkskikh issledovaniyakh poslednikh let (obzor lingvisticheskikh publikatsij 1969-1974 gg.) [Monuments of ancient Turkic writing (Orkhon-Yenisei and Old Uyghur) in Russian Turkic studies of recent years (review of linguistic publications 1969-1974)] // Sovetskaya tyurkologiya [Soviet Turkic studies]. Baku, 1976. № 1. S. 82-101.
14. Pekarskij Eh.K. Slovar' yakutskogo yazyka [Dictionary of the Yakut language]. L.: Izd-vo AN SSSR [Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR], 1959. T. 1. 1200 stb.; T. 2. 2010 stb.; T. 3. – 3858 stb.
15. Tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk: Nauka [Science], 2004–2013.

16. Ubryatova E.I. Opyt sravnitel'nogo izucheniya foneticheskikh osobennostej yazyka naseleniya nekotorykh rajonov Yakutskoj ASSR [The experience of a comparative study of the phonetic features of the language of the population of some areas of the Yakut ASSR]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR [Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR], 1960. 151 s.
17. Ubryatova E.I. Sledy drevnikh tyurkskogo, uigurskogo i kirgizskogo yazykov v sovremennykh tyurkskikh yazykakh Sibiri [Traces of ancient Turkic, Uyghur and Kyrgyz languages in modern Turkic languages of Siberia] // Istoricheskaya grammatika yakutskogo yazyka [Historical grammar of the Yakut language]. Yakutsk: Izd-vo Yakutskogo gosuniversiteta [Publishing house of Yakut State University], 1985. S. 22-32.
18. Ubryatova E.I. Issledovaniya po tyurkskim yazykam. Izbrannye trudy [Studies on the Turkic languages. Selected works]. Novosibirsk: RITS NGU [RIC NSU], 2011. – 282 s.
19. Ujgursko-russkij slovar'/ sost. N.A. Baskakov, V.M. Nasilov [Uyghur-Russian dictionary / Ed. N.A. Baskakov, V.M. Nasilov]. M., 1939.
20. Ujgursko-russkij slovar'/ sost. Eh.N. Nadzhip [Uyghur-Russian dictionary / Ed. by Eh.N. Nadzhip]. M.: Sovetskaya ehntsiklopediya [Soviet encyclopedia], 1968. 828 s.
21. Filippov G.G. Prichastiya yakutskogo yazyka: kompleksnoe tipologicheskoe funktsional'no-semanticheskoe issledovanie. Monografiya [Participle of the Yakut language: a comprehensive typological functional semantic research. Monograph]. Yakutsk: Izdatel'skij dom SVFU [Publishing House of NEFU], 2014. 606 s.
22. SHirobokova N.N. Otnoshenie yakutskogo yazyka k tyurkskim yazykam YUzhnoj Sibiri [Attitude of the Yakut language to the Turkic languages of Southern Siberia]. Novosibirsk: Nauka [Science], 2005. 268 s.
23. Shcherbak A.M. Nazvaniya domashnikh i dikikh zhivotnykh [Domestic and Wild Animal Names] // Istoricheskoe razvitie leksiki tyurkskikh yazykov [Historical development of Turkic languages]. M.: Izd-vo AN SSSR [Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR], 1961. S. 82-172.
24. Orkun II – Orkun H. Eski türk yazıtları. (Türk Dil Kurumu.) [Old Turkish inscriptions. (Turkish Language Society)]. 4 vols. 189, (3) pp.; 216 pp.; 319 pp.; 210 pp. Prof. illus. Istanbul (Devlet Basımevi), 1936–1941.
25. Vambery H. Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik.– Innsbruck: Wagner, 1870. IV, 258 p.
26. Vambery H. Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen geschildert. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1885. XII. 638 p.

Received 24.10.2018

Malysheva N.V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the North-East

E-mail: ninel_malysheva@mail.ru

Starostina Ya.E., postgraduate student of the Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the North-East

E-mail: namina-s@mail.ru

North-Eastern Federal University

Belinskogo st., 58, Yakutsk, Russia, 677000